

Проблемы разрешения споров

**Оксана Евгеньевна
САВЕНКО,**

доцент кафедры
международного частного
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
oesavenko@msal.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Категория «наилучший интерес ребенка» в международном частном праве: проблемы квалификации и применения в трансграничных спорах

Аннотация. В статье рассматривается категория «наилучший интерес ребенка» в контексте международного частного права, с акцентом на проблемы квалификации и применения данного принципа в трансграничных спорах. Автор анализирует эволюцию концепции «наилучший интерес ребенка» в международных правовых актах, таких как Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г., а также ее отражение в национальных законодательствах различных стран. Особое внимание уделяется сложностям, возникающим при определении и применении данного принципа в случаях, когда интересы ребенка затрагиваются в условиях коллизии юрисдикций, различий в правовых системах и культурных традициях.

В работе исследуются ключевые аспекты, связанные с квалификацией наилучшего интереса ребенка в контексте трансграничных споров, включая вопросы опеки, усыновления, алиментных обязательств и защиты прав несовершеннолетних в международных семейных конфликтах. Автор выделяет основные проблемы, с которыми сталкиваются суды и правоприменительные органы при определении наилучшего интереса в условиях отсутствия единого международного стандарта.

На основе анализа судебной практики и доктринальных подходов предлагаются возможные пути совершенствования правового регулирования в данной области, включая усиление международного сотрудничества, гармонизацию законодательства и разработку универсальных критериев для определения наилучшего интереса ребенка в трансграничных спорах. Статья представляет интерес для специалистов в области международного частного права, семейного права, а также для всех, кто занимается вопросами защиты прав детей в международном контексте.

Ключевые слова: наилучший интерес ребенка, международное частное право, трансграничные споры, защита прав детей, коллизия юрисдикций, Конвенция о правах ребенка

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.127.3.090-098

Oksana E. SAVENKO,

Associate Professor of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

oesavenko@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Category “Best Interests of the Child” in Private International Law: Problems of Qualification and Application in cross-border Disputes

Abstract. *The article examines the category of “the child’s best interest” in the context of private international law, with an emphasis on the problems of qualification and application of this principle in cross-border disputes. The author analyzes the evolution of the concept of the “best interest of the child” in international legal acts, such as the UN Convention on the Rights of the Child of 1989, as well as its reflection in the national legislations of various countries. Particular attention is paid to the difficulties that arise in defining and applying this principle in cases where the interests of the child are affected by conflicting jurisdictions, differences in legal systems and cultural traditions. The paper examines key aspects related to the qualification of a child’s best interest in the context of cross-border disputes, including custody, adoption, alimony obligations, and the protection of minors’ rights in international family conflicts. The author highlights the main problems faced by courts and law enforcement agencies in determining the best interest in the absence of a single international standard.*

Based on the analysis of judicial practice and doctrinal approaches, possible ways to improve legal regulation in this area are proposed, including strengthening international cooperation, harmonizing legislation, and developing universal criteria for determining the best interest of a child in cross-border disputes. The article is of interest to experts in the field of private international law, family law, as well as to anyone who deals with the protection of children’s rights in an international context.

Keywords: *the child’s best interest, private international law, cross-border disputes, protection of children’s rights, conflict of jurisdiction, Convention on the Rights of the Child*

На современном этапе в международном праве, национальных правовых системах, а также в трудах ученых-правоведов, специализирующихся на изучении прав детей, наблюдаются различные интерпретационные подходы к понятию «наилучший интерес ребенка». Недостаточная унификация этого термина порождает сложности в его применении на практике, что потенциально может привести к искажениям в процессе правоприменения и созданию условий для манипуляций и злоупотреблений. В этой связи представляется важным достижение консенсуса относительно определения наилучших интересов ребенка,

чтобы обеспечить единообразную трактовку и последовательное применение данного принципа в правовой практике.

Впервые категория «интерес ребенка» была закреплена в Декларации прав ребенка, принятой ГА ООН в 1959 г.¹ Данная категория была закреплена как основание для специальной защиты ребенка: «Ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства».

Продолжение цитируемого положения Декларации имеет важное теоретическое значение: оно впоследствии стало ключевым в сфере защиты прав ребенка. Декларация в этом отношении гласит: «При издании с этой целью законов главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка» (п. 2)². Впоследствии данное положение было сформулировано как принцип защиты прав детей — «принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка», в том или ином виде закрепленный в различных международных актах³, и наиболее значимым из которых является Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г.⁴ (ст. 3).

Согласно данной Конвенции, «наилучший интерес ребенка» должен быть первоочередным соображением при принятии любых решений, затрагивающих детей, будь то в законодательной, судебной или административной практике. Однако ни один из перечисленных документов не дает исчерпывающего определения, что же вкладывается в понятие «интерес ребенка». Следует отметить, что ссылки на наилучшие интересы в международных актах касаются только детей и в отношении ни одной другой категории субъектов прав человека данный принцип не применяется и не упоминается⁵.

Как отмечает В. Л. Кабанов в своем диссертационном исследовании, необходимо единообразно применять данный принцип так, как он закреплён в Декларации прав ребенка 1959 г. (принцип 2) и в п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка — принцип «наилучшего обеспечения интересов ребенка» (the best interests of the child), что служит важным условием для избежания разногласий в понимании сути и предписаний данного принципа при его реализации на универсальном, региональном и национальном уровнях.

¹ Декларация прав ребенка 1959 г. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1386 (XIV) от 20.11.1959 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 13.02.2025).

² Кабанов В. Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в международном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 35.

³ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. // Основные международные договоры по правам человека. Нью-Йорк и Женева : ООН, 2014. С. 107—114 ; Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления 1993 г. (Гаага, 29.05.1993) ; Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Дорина В. В. Понятие «наилучший интерес ребенка» в международном праве // Вестник Полоцкого государственного университета. 2021. № 5.

В Конвенции о правах ребенка акцент делается не на предоставлении ребенку лучших прав, а на защите его наилучших интересов. Интересы представляют собой более обширную категорию, которая служит необходимой основой для формирования прав. Комплекс факторов, формирующих сущность наилучших интересов, варьируется в зависимости от конкретных обстоятельств и включает такие аспекты, как мнение самого ребенка, позиции членов его семьи, оценка рисков нанесения вреда, удовлетворение потребностей ребенка и другие значимые элементы.

Необходимо указать на семантическую разницу в категориях «принцип *наилучшего обеспечения интересов* ребенка» и «принцип обеспечения *наилучших интересов ребенка*». В первом варианте подразумевается активная роль государства и правовых институтов в «обеспечении» (гарантировании) этих интересов. Это предполагает не только учет интересов ребенка, но и принятие конкретных мер для их реализации. Данная формулировка используется в международных документах и подчеркивает обязательства государств не только учитывать, но и активно защищать интересы ребенка. Во втором варианте принцип обеспечения наилучших интересов ребенка может толковаться как более общая формулировка, которая акцентирует внимание на процессе *учета* интересов, но не всегда подразумевает активные действия по их реализации, это подтверждается правоприменительной практикой государств.

Как отмечает Н. В. Кравчук, российское законодательство закрепляет необходимость учета интересов ребенка судом при принятии решения об отобрании ребенка у родителей (п. 1 ст. 73 Семейного кодекса РФ⁶). Однако дела, связанные с непропорциональным применением такой меры, как отобрание детей, встречаются с завидной регулярностью. Это связано, во-первых, с тем, что отсутствует единый подход к толкованию понятия «интересы ребенка», что принято объяснять отсутствием в законе его определения, а во-вторых, с тем, что оно не занимает в российском праве место, принадлежащее ему по праву — место принципа семейного права, одной из его основ⁷.

Единообразный подход к толкованию принципа обеспечения наилучших интересов ребенка крайне важен при разрешении трансграничных семейных споров (определении места жительства ребенка при разводе, усыновлении, праве на опеку и т.д.). Например, основной коллизионной привязкой, применимой к трансграничным семейным спорам, связанным с определением места жительства детей при разводе родителей, является личный закон ребенка⁸. Под личным законом в международном частном праве принято понимать закон гражданства

⁶ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 (ред. от 23.11.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Кравчук Н. В. Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 97.

⁸ Савенко О. Е. Определение места жительства ребенка при разрешении судами трансграничных семейных споров в условиях санкционного давления // Юридическое образование и наука. 2023. № 4. С. 26.

лица (*lex personalis*) или закон постоянного места жительства (домицилия) лица (*lex domicilii*).

Например, в ст. 163 Семейного кодекса РФ закреплены следующие коллизионные привязки: право государства совместного проживания супругов; право государства гражданства ребенка; право государства, на территории которого постоянно проживает ребенок. Также исходя из положений п. 1 ст. 166 Семейного кодекса РФ о том, что при применении норм иностранного семейного права суд или органы записи актов гражданского состояния и иные органы устанавливают содержание этих норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве, можно сделать вывод, что суд при применении иностранного права должен толковать принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка так, как это принято на территории иностранного государства.

Однако не все зарубежные суды при разрешении споров по определению места проживания ребенка склонны учитывать интересы детей. Например, если супруг имеет гражданство Алжира, Сирии или Иордании, при разводе супругов их дети автоматически остаются с отцом⁹. Столкнувшись с трудностями при установлении содержания подлежащего применению иностранного семейного права, суды нередко идут по более легкому пути, изыскивая основания для применения российского права¹⁰.

В Республике Узбекистан принцип обеспечения наилучших интересов ребенка успешно интегрирован в национальную правовую систему и практику. Несмотря на отсутствие четкой формулировки общих требований данного принципа, например в ст. 66 Семейного кодекса Республики Узбекистан¹¹, в случае раздельного проживания родителей ребенок имеет право на общение с каждым из них. Ребенок имеет право на общение со своими родителями в случае их проживания в разных государствах. В пункте 3 постановления Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 11.09.1998 № 23¹² закреплено, что при разрешении споров между раздельно проживающими родителями о том, с кем из них и кто из детей останется проживать, суд, исходя из установленного ст. 71 Семейного кодекса равенства прав и обязанностей отца и матери, должен принять решение, которое соответствовало бы интересам и желанию несовершеннолетних.

⁹ *Реутов С. И.* Международно-правовая защита прав и интересов российских детей при разрешении трансграничных споров родителей о детях, незаконно перевезенных в другую страну // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности : сборник материалов междунар.-практ. конф. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2011. С. 146—154.

¹⁰ *Марышева Н. И.* Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М. : Волтерс Клувер, 2007.

¹¹ Семейный кодекс Республики Узбекистан от 30.04.1998 (с изм. и доп. от 07.02.2024) // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=973 (дата обращения: 21.02.2025).

¹² Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан от 11.09.1998 № 23 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=29982 (дата обращения: 21.02.2025).

При этом суд учитывает привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, кто из родителей проявляет большую заботу о детях, их возраст, нравственные и личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (род занятий, режим работы родителей, материальное и семейное положение родителей и др.). При этом отметим, что само по себе преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не является определяющим условием для передачи ему детей.

К примеру, решением Чирчикского межрайонного суда по гражданским делам были удовлетворены искивые требования гражданки Республики Узбекистан к гражданину Республики Казахстан о возвращении ребенка в страну обычного проживания, так как гражданин Республики Казахстан (отец ребенка) после расторжения брака с гражданкой Республики Узбекистан (матерью ребенка) вывез несовершеннолетнюю дочь в соседнюю страну под предлогом навестить родственников и не возвращал ее. Суд учел, что ребенок постоянно проживал с матерью, его возраст; психологическое заключение показало, что ребенок испытывает сильную эмоциональную привязанность к матери и воспринимает ее как главную фигуру. В то же время ребенок с удовольствием проводит время с отцом, однако это не свидетельствует о том, что разлука с матерью является необходимым или желательным для него. В заключении подчеркивается отсутствие исключительных обстоятельств, которые могли бы оправдать разлучение ребенка с матерью, подчеркивая важность сохранения существующих семейных связей. Заслуживает внимания предложенная узбекскими учеными классификация критериев интересов ребенка, включающая субъективные (мнения ребенка и его родителей) и объективные факторы (уровень жизни, условия воспитания).

При рассмотрении дел, связанных с трансграничными спорами о воспитании детей, суды Китайской Народной Республики опираются на положения Конвенции о правах ребенка 1989 г. В КНР также функционирует специализированный Закон о применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям 2010 г.¹³ Согласно ст. 27 указанного Закона, расторжение брака осуществляется в соответствии с законом страны суда (*lex fori*). В статьях 29 и 30 Закона установлено, что содержание и опека регулируются правом, обеспечивающим наибольшую защиту интересов получателя алиментов или подопечного, исходя из их обычного местопребывания, гражданства либо места нахождения основного имущества.

Законодательство многих государств закрепляет категорию «наилучший интерес ребенка»¹⁴, «благополучие ребенка»¹⁵, «интерес ребенка», «законный

¹³ Закон Китайской Народной Республики о применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям // URL: <https://pravo.hse.ru/data/2015/11/16/1081085258/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%202010.pdf> (дата обращения: 22.02.2025).

¹⁴ Закон о семейном праве (Family Law Act 1975) // URL: <https://www.legislation.gov.au/c2004a00275/2022-04-01/text> (дата обращения: 22.02.2025).

¹⁵ Закон о семье Хорватии. Ст. 10 // URL: <https://www.zakon.hr/z/88/obiteljski-zakon> (дата обращения: 22.02.2025).

интерес ребенка»¹⁶, что имеет значительные последствия для разрешения трансграничных семейных споров. В частности, различные формулировки, используемые в национальных законодательствах, создают правовую неопределенность: например категория «интересы ребенка» может толковаться широко и включать как материальные аспекты (материальное благополучие ребенка), так и нематериальные (потребности ребенка относительно его психического, психологического развития, образования, здоровья, безопасности, стабильности, отношения к семье; мнение ребенка, в зависимости от его возраста и степени зрелости).

В то же время при толковании категории «законные интересы ребенка» суд акцентирует внимание на правовых аспектах, но может игнорировать социальные, психологические и эмоциональные факторы. Разные формулировки отражают культурные и социальные потребности государств, что может привести к несовместимости правовых подходов. Например, при толковании категории «благополучие ребенка» в одних странах акцент делается на материальном благополучии, в других — на сохранении семейных связей («интересы ребенка»).

Например, в российском законодательстве используется общая формулировка «интересы ребенка» (ст. 65, 67, 73, 124, 146 Семейного кодекса РФ, ст. 264 Трудового кодекса РФ). Кроме того, Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», как и подзаконные акты, сужает понятие «интересы ребенка» с помощью уточнения «законные», т.е. помещает на первое место в шкале ценностей интересы не индивида, а общества, имеющего возможность законодательно закрепить собственные приоритеты¹⁷. Также в п. 27 Заключительных замечаний, вынесенных Комитетом ООН по правам ребенка по итогам рассмотрения объединенного доклада Российской Федерации в 2014 г., отмечалось, что понятия «законные интересы ребенка» и «наилучшие интересы ребенка» неравноценны¹⁸.

В доктрине международного семейного права преимущественно поддерживают открытую концепцию наилучших интересов ребенка, не ограниченную строгими рамками. Так, профессор Университета Валенсии Дж. К. Ллоренс утверждает, что при вынесении решений относительно наилучших интересов пятерых различных детей необходимо принимать пять отдельных решений, поскольку два идентичных ребенка не будут вести себя одинаково в одних и тех же условиях¹⁹. Однако при определении наилучших интересов одного ребенка все-таки суд должен

¹⁶ Семейный кодекс РФ. Ст. 54, 57 ; Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Павленко Е. М. Обеспечение наилучших интересов ребенка и безопасности детей: международные стандарты и практика в России // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия : Юридические науки. 2022. № 4. С. 81.

¹⁸ Комитет ООН по правам ребенка. Заключительные замечания по объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации // URL: <http://right-child.ru/248-crc.html> (дата обращения: 22.02.2025).

¹⁹ Llorens J. C. Presentation of General Comment No. 14: strengths and limitations, points of consensus and dissent emerging in its drafting / J. C. Llorens // The best interests of the child — A dialogue between theory and practice. Council of Europe Publishing, 2016. P. 11—17.

прийти к единогласному решению. Это подчеркивает необходимость исключения возможных злоупотреблений со стороны правоприменителей ввиду отсутствия конкретных критериев, определяющих наилучшие интересы.

Таким образом, наилучшие интересы заключаются не в субъективной оценке правоприменителя, а в эффективном обеспечении всех прав, гарантированных Конвенцией о правах ребенка²⁰.

В принятом Комитетом ООН по правам ребенка Замечании общего порядка № 14 (2013) предложен «неисчерпывающий, не соподчиненный перечень элементов, которые могли бы рассматриваться при проведении оценки наилучших интересов любым лицом, ответственным за принятие решений, которому предстоит определять наилучшие интересы ребенка». Среди таких элементов Комитет ООН по правам ребенка называет: взгляды ребенка, его индивидуальность, сохранение семейного окружения и поддержание отношений, попечение, защиту и безопасность ребенка, уязвимое положение, право ребенка на здоровье и право ребенка на образование²¹.

В правоприменительной практике национальных судов категория «наилучшие интересы ребенка» играет ключевую роль при разрешении семейных споров (определении места жительства ребенка, лишении или ограничении родительских прав, усыновлении и опеке и т.д.). Ввиду отсутствия приоритета учета наилучших интересов ребенка среди принципов семейного права в ряде государств необходимо при толковании данной категории следовать международным стандартам, закрепленным в Конвенции о правах ребенка 1989 г. Единообразное толкование принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка позволит достичь согласованности в применении права, предотвратить конфликт юрисдикций и злоупотреблений со стороны судебных и административных органов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дорина В. В. Понятие «наилучший интерес ребенка» в международном праве // Вестник Полоцкого государственного университета. — 2021. — № 5.
2. Кабанов В. Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в международном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2019.
3. Кравчук Н. В. Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 5.
4. Марышева Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. — М. : Волтерс Клувер, 2007.

²⁰ Практическое руководство по выполнению рекомендаций УВКБ ООН по определению наилучших интересов (2011) / Управление Верховного Комиссара по делам беженцев // URL: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=5571a5e64> (дата обращения: 22.02.2025).

²¹ Замечания общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов // URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/legalpolicy/crc/2013/ru/95780>. (дата обращения: 22.02.2025).

5. *Павленко Е. М.* Обеспечение наилучших интересов ребенка и безопасности детей: международные стандарты и практика в России // Вестник Московского государственного педагогического университета. — Серия : Юридические науки. — 2022. — № 4.
6. *Реутов С. И.* Международно-правовая защита прав и интересов российских детей при разрешении трансграничных споров родителей о детях, незаконно перевезенных в другую страну // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности : сборник материалов междунар.-практ. конф. — Пермь : Перм. гос. ун-т, 2011.
7. *Савенко О. Е.* Определение места жительства ребенка при разрешении судами трансграничных семейных споров в условиях санкционного давления // Юридическое образование и наука. — 2023. — № 4.
8. *Llorens J. C.* Presentation of General Comment No. 14: strengths and limitations, points of consensus and dissent emerging in its drafting // The Best interests of the child — A dialogue between theory and practice. — Council of Europe Publishing, 2016.